

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8)EDN [KRVKOR](https://edn.krvkor.ru)

ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1992–2024 ГГ.

Рыбаковский О. Л.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования: Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8). EDN [KRVKOR](https://edn.krvkor.ru).

Аннотация. Предмет исследования – постоянное население тех регионов Европейской России, где устойчивая естественная убыль (депопуляция) в целом имела место в 1992–2024 гг. Тема исследования – абсолютные и относительные масштабы депопуляции, соотношение ее основных составляющих (рождаемости и смертности), а также наиболее существенные демографические факторы этого негативного процесса; прежде всего, миграционная составляющая (внешняя для регионов миграция), компенсирующая либо усугубляющая демографическое развитие данных территорий. Цель исследования – выявить среди регионов Европейской части России, имеющих за 33 постсоветских года депопуляцию, типичные по наиболее существенным признакам группы, раскрыть основные факторы, воздействующие на уровень депопуляции и характер демографического развития в них. Методы исследования – традиционные – демографический статистический анализ, использование относительных демографических показателей для корректного межтерриториального сравнения. Источник всех данных для расчетов – Росстат. Результаты исследования: выделены три типичные группы регионов Европейской России по масштабам, характеру депопуляции и роли миграционных процессов в них. Первая группа – регионы с максимальным уровнем коэффициента депопуляции, в большей степени пострадавшие в годы Великой Отечественной войны и/или от последующих миграционных процессов. Вторая группа – успешные в социально-экономическом плане территории Европейской России, имеющие умеренное значение коэффициента депопуляции и в значительной степени компенсирующие естественную убыль миграционным приростом в основном из других регионов страны. Третья группа – регионы, характеризующиеся умеренным уровнем депопуляции, несмотря на миграционную убыль из них. В первую очередь это регионы Европейского Крайнего Севера и северного Предуралья. Научный вклад – дополнена и применена методика корректного территориального сравнения регионов России по масштабам и характеру депопуляции в них. Выводы: Европейская и Азиатская части нашей страны развиваются демографически непропорционально. Европейская часть все постсоветское время «подпитывается» населением миграционным путем за счет Азиатской части. Стоящие перед государством задачи требуют обратного. Переломить этот вектор можно усилиями государства и с учетом законов рыночной экономики. Область применения результатов – для работников социальной сферы и исследователей, интересующихся демографической проблематикой российских регионов.

Ключевые слова: постоянное население регионов Европейской России, депопуляция, компенсация естественной убыли миграционным приростом, коэффициент депопуляции, факторы депопуляции

Введение. Постановка проблемы

Депопуляция – «устойчивая естественная убыль населения, превышение числа смертей над числом рождений за длительный период» [1, с. 120]. Российская Федерация вступила в депопуляцию сразу с момента своего образования, то есть с конца 1991 г., хотя в отдельных регионах западной части страны депопуляция началась задолго до этого. Помимо исторических факторов, прежде всего, последствий

Великой Отечественной войны и кризиса девяностых годов, напрямую на депопуляцию в регионах России, и не только в Европейской, но и во всей стране, продолжают влиять пять демографических факторов. Прежде всего, это детерминированная экономическими составляющими миграция населения, как межрегиональная, так и зарубежная. Вторым фактором – этническая структура основной части населения регионов и их вероисповедание. Третий фактор – низкая рождаемость в подавляющем большинстве российских регионов. Четвертый фактор – еще недостаточно низкая смертность в большинстве российских регионов, особенно касательно Европейской части России, в регионах Крайнего Севера, севера Предуралья и регионов второго-третьего кольца окружения Москвы. Пятый фактор – следствие четырех предыдущих – сложившаяся на текущий год половозрастная структура населения.

Вследствие этого экономически развитые регионы России, в том числе ее Европейской части, привлекающие население миграционным путем как из других менее развитых регионов РФ, так и из-за рубежа, компенсируют миграцией часть своих воспроизводственных потерь и перманентно улучшают половозрастную структуру своего постоянного населения. Большинство же других регионов Европейской России, менее экономически развитых или находящихся в экстремальных климатических условиях, если и имеют депопуляцию, то она усугубляется межрегиональной убылью населения.

Объект данного исследования – население регионов Центрального, Северо-Западного¹, Приволжского, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов РФ по оценке на 1 января 2025 г. (без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям. Предмет исследования – естественная убыль населения депопулирующих регионов Европейской части России с начала 1992 г. до конца 2024 г., ее компоненты, региональные особенности, основные демографические факторы и их вклад в демографическое развитие Российской Федерации за 33 постсоветских года.

Основной целью исследования является выявление среди регионов Европейской России за весь постсоветский период до начала 2025 г. различных групп территорий по масштабам и относительным размерам депопуляции, по уровню компенсации либо усугубления депопуляции миграционным приростом/убылью, равно как и попытка объяснить, какие основные демографические факторы этому способствуют.

Обзор научной литературы

Первые статьи о депопуляции в постсоветской России, в том числе в ее Европейской части, начали появляться сразу после ее начала в стране в целом, т. е. с 1992 г. До нынешнего года депопуляция имела место лишь в нескольких территориях Европейской России, «наиболее пострадавших от войны 1941–1945 гг. Псковской и Тверской областях, а также и в областях Рязанской, Тамбовской и Тульской» [1, с. 120–121]. За 30 с небольшим лет о депопуляции в РФ написано множество

¹ Ненецкий автономный округ учтен отдельно.

статей, монографий и коллективных трудов, проведены десятки общероссийских и международных конференций. Все эти труды касаются проблем депопуляции либо в России в целом, ее этапов, особенностей и факторов [2–8]; либо в ее отдельных частях, регионах, например [9]; либо в региональном разрезе в масштабах всей страны [10–12]. Авторы оценивают не только масштабы, глубину депопуляции, но и основные факторы такого негативного процесса. Среди основных факторов депопуляции выявляют последствия первой и второй мировых войн [13], кризиса 1990-х гг., общемировые тенденции снижения рождаемости, переход России к рыночной экономике и ускорившиеся в связи с этим процессы урбанизации и эмансипации, рост дифференциации социально-экономического развития регионов страны и усиление в данной связи экономически детерминированной миграции и т. д. Все эти факторы в конечном счете так или иначе ухудшали и продолжают ухудшать пространственную структуру населения страны в целом либо ее значительной части. Отдельные из факторов вели к росту смертности населения, другие – к снижению его рождаемости. Так, отток населения всегда ухудшал структуру остающегося населения [14].

В ряде работ, помимо прочего, рассматриваются вопросы связи депопуляции с геополитикой и политикой России на современном этапе [15; 16], в разрезе типа местности, в отдельных общих с Европейской Россией по проблеме депопуляции государствах постсоветского пространства (Украине и Республике Беларусь [17]) и т. д.

В настоящей работе подводятся общие итоги депопуляции в Европейской части Российской Федерации за 33 постсоветских года в региональном разрезе с выделением групп, типичных по характеру воспроизводственных процессов в них, показана роль миграции как одного из важнейших факторов, воздействующих (с временным лагом) на уровень депопуляции в территориях страны.

Методология и методы исследования, источники информации

Для проведения анализа и достижения поставленных целей в работе использованы классические приемы сравнительного демографического анализа. В частности, это построение относительных демографических показателей, таких как коэффициент депопуляции (отношения числа умерших к числу родившихся за период); уровень компенсации естественной убыли миграционным приростом; доля естественной убыли в общей убыли населения; темпы прироста населения и т. п.

Источником информации для всех расчетов является Росстат – Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Информация представлена по состоянию на август 2024 г. Данные о численности населения регионов Европейской России в 1992 г. взяты из демографического ежегодника 2001 г.², то есть до начала различных корректировок Росстатом. Поправки трех переписей населения РФ рассчитаны нами ранее [10]. Суммарное значение естественной убыли с 1992 по 2023 г. на 200 тыс. человек меньше, чем по последним данным Росстата. Проблема здесь в том, что оценку численности постоянного населения

² Демографический ежегодник России : Стат. сб. Москва : Госкомстат России, 2001. 403 с. ISBN 5-89476-084-4.

России на начало 1992 г. после переписи населения 2002 г. и трех лет обработки результатов переписи Росстат уточнил на 200 тыс. человек в большую сторону. Оставим это без комментариев. Мы больше верим оценке на начало 1992 г., исходящей от переписи населения СССР (и РСФСР) 1989 г., которая, в отличие от постсоветских переписей населения, проводилась не только по постоянному, но и по наличному населению. Она была последней точной переписью в истории современной России. Погрешность данной переписи (400 тыс. человек) была после переписи выявлена и учтена в ее итогах. Три же постсоветских переписи населения суммарно имели погрешность на федеральном уровне плюс 4,3 млн человек, а «на региональном уровне поправки были в три раза выше, суммарно по абсолютной величине 13,1 млн человек» [10, с. 71].

Оценка естественной убыли (прироста) за 2024 г. проводилась автором статьи двумя путями. Первый – это оценка по данным за первое полугодие 2024 г. в сравнении с 2023 г. Второй вариант – среднее арифметическое между средними вариантами двух прогнозов Росстата, последним до пандемии COVID-19 (декабрь 2019 г.) и последним на настоящее время (декабрь 2023 г.). Обе оценки практически совпали, расхождение составило около 600 тыс. человек. Что не случайно, так как истина часто находится посередине (рис. 1).

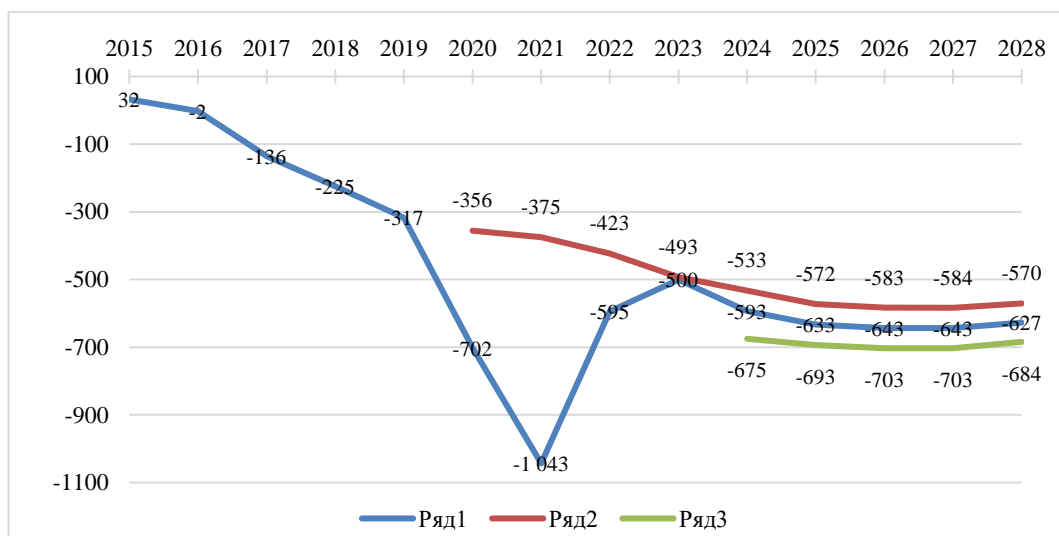

Рис. 1. Естественная убыль населения РФ (тыс. человек)

Fig. 1. Natural population decline in the Russian Federation (thousand people)

Примечание: Ряд 1 – текущие данные до 2024 г., прогноз автора на 2024 г., далее – средние из значений рядов 2 и 3; Ряд 2 – средний вариант прогноза Росстата от 29.12.2019; Ряд 3 – средний вариант прогноза Росстата от 29.12.2023

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

На региональном уровне данные о естественной убыли (приросте) оценивались по оперативной информации за первое полугодие 2024 г. в сравнении с 2023 г.

Результаты и обсуждение

На основании проведенного анализа выделены три ключевые группы регионов Европейской части России по коэффициенту депопуляции и иным ее признакам. В первую группу вошли регионы с максимальными коэффициентами депопуляции суммарно за 33 года. В основном это территории России, более других пострадавшие во время Великой Отечественной войны (табл. 1).

Первое место по коэффициенту депопуляции не только в Европейской России, но и во всей Российской Федерации занимают Тульская, Псковская, Тверская и Смоленская области, которые не только сильно пострадали во время Великой Отечественной войны, но и миграционным путем активно отдавали свое население все послевоенное время на освоение Крайнего Севера и восточных территорий СССР, а в постсоветское время были источником пополнения населения Москвы и Санкт-Петербурга. Эти регионы в результате вышеуказанных обстоятельств имеют и самое старое население в стране.

Таблица 1

Показатели депопуляции и демографического развития отдельных территорий Европейской России за 1992–2024 гг.

Table 1

Indicators of depopulation and demographic development of individual territories of European Russia in 1992–2024

Регионы	Умерло на 1 000 родившихся	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения к 01.01.1992 (%)	Компенсация естественной убыли миграционным приростом* (%)
Тульская область	2 350	-577	-20,6	34
Псковская область	2 303	-270	-31,6	2
Тверская область	2 187	-496	-28,5	5
Смоленская область	2 110	-317	-26,2	4
Ивановская область	2 098	-348	-30,4	-
Ленинградская область	2 092	-483	22,9	179
Новгородская область	2 067	-214	-24,5	14
Рязанская область	2 062	-358	-20,1	24
Тамбовская область	2 062	-333	-27,9	-
Владимирская область	1 966	-420	-21,6	15
Воронежская область	1 886	-609	-8,5	66
Ярославская область	1 881	-352	-19,7	18
Орловская область	1 867	-210	-24,1	-
Курская область	1 864	-315	-20,8	12
Нижегородская область	1 838	-869	-19,5	16
Пензенская область	1 820	-331	-21,1	1
Костромская область	1 801	-179	-30,4	-
Брянская область	1 800	-323	-22,4	-
Итого / в среднем	1 980	-7 004	-19,2	25,3

Примечание: * с учетом поправок трех переписей населения РФ

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

Серьезную компенсацию миграцией за 33 постсоветских года получила в данной группе регионов лишь экономически развитая в промышленном отношении Ленинградская область, суммарный миграционный прирост в которую в 1,8 раза превысил по абсолютной величине ее естественную убыль. И это притом, что

Ленинградская область является аутсайдером РФ по суммарному коэффициенту рождаемости.

Пять областей из табл. 1 (Ивановская, Тамбовская, Орловская, Костромская и Брянская) компенсации миграционным приростом за 33 постсоветских года не имели. Суммарно у них была миграционная убыль населения в другие регионы страны. Доля естественной убыли в общей убыли в обозначенных регионах за 33 года составляла от 73% до 99%.

Все прочие регионы из табл. 1 имели компенсацию миграционным приростом, который был тем ощутимей, чем выше был уровень их экономического развития в постсоветское время. Так, Воронежская область, экономически развитый в промышленном и сельскохозяйственном отношении регион Центрально-Черноземного экономического района России, на 2/3 компенсировала свою естественную убыль миграционным приростом. Напротив, экономически отсталая Ивановская область за весь постсоветский период, помимо естественной убыли 348 тыс. человек, имела и миграционную убыль более чем 30 тыс. человек.

Миграция ведет к ухудшению половозрастной структуры населения региона исхода мигрантов и улучшает половозрастную структуру населения региона приема мигрантов [14; 18]. Вследствие чего у многих регионов из табл. 1, имеющих минимальную компенсацию естественной убыли миграционным приростом либо вообще ее не имеющих, структура населения старая, что усугубляет процесс депопуляции в них в дальнейшем. Но чем промышленно более развит регион, тем при прочих равных условиях в нем рождаемость ниже. Этим обстоятельством объясняется первое место по коэффициенту депопуляции в России Тульской области.

Во вторую группу входят наиболее экономически развитые регионы Европейской части страны, имеющие умеренные значения коэффициента депопуляции, что объясняется в большей степени миграционным фактором (табл. 2).

Большинство из перечисленных территорий получило значительную компенсацию естественной убыли миграционным приростом, как правило, за счет других регионов страны. К примеру, Москва весь постсоветский период по текущим данным о миграции на 4/5 миграционным путем пополнялась за счет российского населения.

Таблица 2

Показатели депопуляции и демографического развития отдельных территорий Европейской России за 1992–2024 гг.

Table 2

Indicators of depopulation and demographic development of individual territories of European Russia in 1992–2024

Регионы	Умерло на 1 000 родившихся	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения к 01.01.1992 (%)	Компенсация естественной убыли миграционным приростом* (%)
г. Москва	1 241	-830	48,8	622
Краснодарский край	1 305	-575	23,4	293
Республика Татарстан	1 111	-158	8,2	293
Ставропольский край	1 200	-195	14,9	292
Московская область	1 591	-1298	30,8	258
Республика Адыгея	1 290	-47	14,1	232

Регионы	Умерло на 1 000 родившихся	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения к 01.01.1992 (%)	Компенсация естественной убыли миграционным приростом* (%)
Калининградская область	1 456	-141	15,8	200
г. Санкт-Петербург	1 449	-702	12,6	189
Белгородская область	1 577	-270	5,7	130
Республика Башкортостан	1 120	-189	1,3	127
Калужская область	1 763	-242	-1,1	95
Самарская область	1 516	-536	-4,3	74
Ростовская область	1 540	-736	-4,7	72
Липецкая область	1 753	-271	-10,4	53
Волгоградская область	1 526	-430	-7,7	52
Саратовская область	1 639	-500	-12,7	31
Итого / в среднем	1 381	-7 120	15,1	214

Примечание: *с учетом поправок трех переписей населения РФ

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

Коэффициент депопуляции во второй группе территорий почти в полтора раза был ниже, чем в первой группе территорий из табл. 1, что в значительной степени связано с различиями в половозрастной структуре населения двух групп территорий и более низким уровнем смертности населения регионов из таблицы 2.

В относящимся к этой же группе и развивающимся опережающими темпами Севастополе за последние 10 лет (с 2015 по 2024 г.) коэффициент депопуляции составил 1 375 умерших на 1 000 родившихся. Естественная убыль была равна 16 тыс. человек, тем не менее темпы прироста приблизились к 37%, а миграционный прирост превысил естественную убыль по абсолютной величине в 10,5 раза.

В третью группу входят регионы европейского Крайнего Севера, Приволжского федерального округа (кроме экономических лидеров), а также Астраханская область из Южного федерального округа (табл. 3).

Данные территории имеют умеренные значения коэффициента депопуляции. Но в отличие от регионов из табл. 2 вместо компенсации миграцией их естественная убыль усугубляется миграционной убылью в более экономически развитые регионы страны. Продолжают действовать открытые в конце XIX в. Э. Равенштейном законы миграции, основной из них следующий: «Социальное и (или) экономическое неравенство между различными местностями порождает притягивающие влияния в более «процветающих» местностях и отталкивающие влияния в менее «процветающих» [14; 18].

Таблица 3

Показатели депопуляции и демографического развития отдельных территорий Европейской России за 1992–2024 гг.

Table 3

Indicators of depopulation and demographic development of selected territories of European Russia in 1992–2024

Регионы	Умерло на тысячу родившихся (человек)	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения за 33 года относительно 01.01.1992 (%)	Доля естественной убыли в общей убыли* (%)
Республика Мордовия	1 754	-183	-21,0	90
Кировская область	1 689	-309	-32,3	58
Республика Карелия	1 621	-137	-34,9	49

Регионы	Умерло на тысячу родившихся (человек)	Естественная убыль (тыс. человек)	Темпы прироста населения за 33 года относительно 01.01.1992 (%)	Доля естественной убыли в общей убыли* (%)
Ульяновская область	1 595	-245	-19,1	89
Вологодская область	1 532	-226	-18,0	93
Архангельская область	1 444	-191	-36,9	33
Пермский край	1 346	-353	-18,5	63
Республика Марий Эл	1 297	-75	-12,4	79
Чувашская Республика	1 259	-118	-14,3	61
Оренбургская область	1 253	-196	-16,4	55
Мурманская область	1 222	-60	-43,8	12
Удмуртская Республика	1 178	-104	-12,7	50
Республика Коми	1 176	-61	-42,6	12
Астраханская область	1 120	-48	-6,1	78
Итого / в среднем	1 367	-2 306	-23,0	50

Примечание: * с учетом поправок трех переписей населения РФ

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата

В относящейся к этой же группе Республике Крым за 10 лет – с 2015 по 2024 г. – коэффициент депопуляции составил 1 497 умерших на 1 000 родившихся. Естественная убыль была равна 96 тыс. человек, темпы прироста приблизились к минус 11%, а миграционный прирост компенсировал естественную убыль почти на 40%.

Остальные территории Европейской части России за 33 года депопуляции в целом не имели. Это Республика Дагестан, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, входящий в состав Архангельской области Ненецкий автономный округ.

Среди них только у Республики Ингушетия по текущим данным за 33 года был в целом положительный миграционный прирост. С учетом поправок трех постсоветских переписей населения положительный общий прирост населения за 33 года не имели только три региона из данной группы. К ним относятся Республика Северная Осетия-Алания (–2%), Республика Калмыкия (–18%) и Ненецкий автономный округ (–19%). Все остальные республики Северного Кавказа с учетом поправок имели положительные темпы прироста населения – от 9% в Карачаево-Черкесской Республике до 160% в Республике Ингушетия.

Итоги

В целом за период 1992–2024 гг. в первой группе территорий с максимальными значениями коэффициента депопуляции (табл. 1) общий коэффициент рождаемости был на 20% ниже, чем в среднем по стране, общий коэффициент смертности, напротив, был на 24% выше, чем в среднем по России. В значительной мере это объяснялось половозрастной структурой населения данных регионов и межрегиональной миграционной ситуацией в них. Как итог – коэффициент депопуляции первой группы регионов почти в полтора раза (1,48) был выше среднего по стране и на 36% выше суммарного значения по всем тем регионам России, в которых за 33 года в целом была депопуляция. Доля постоянного населения всей группы в населении РФ (без учета Крыма) сократилась за 33 года с 18,4%, до 15,4%, то есть на три процентных пункта, или с 27,3 млн человек до 22,0 млн человек. Доля естественной убыли данной группы регионов в итоговой естественной убыли Российской Федерации за 33

года превысила 40%, а в итоговой естественной убыли в регионах России, где в целом за 33 года была депопуляция, составила 35%. Суммарный миграционный прирост (от внешней для регионов миграции) в этой группе за 33 года составил 1,8 млн человек.

В целом за 1992–2024 гг. во второй группе территорий с умеренными значениями коэффициента депопуляции (в среднем по группе на 3% выше, чем по стране в целом, но на 12% ниже суммарного значения по всем тем регионам России, в которых за 33 года в целом была депопуляция), но с максимальным уровнем компенсации миграцией естественной убыли и максимальными темпами роста населения (табл. 2), была следующая картина. Общий коэффициент рождаемости был на 7% ниже, чем в среднем по России, но и общий коэффициент смертности был на 4% ниже, чем в среднем по РФ. В значительной мере это объяснялось более высоким уровнем жизни (особенно в мегаполисах), высокой долей городского населения и относительно молодой «подпитываемой» миграцией, половозрастной структурой населения данных регионов.

Доля постоянного населения всей группы в населении Российской Федерации (без учета Крыма) за 33 года выросла с 36,0%, до 42,9%, то есть почти на семь процентных пунктов, или с 53,4 млн человек до 61,5 млн человек. При этом доля естественной убыли второй группы регионов в итоговой естественной убыли России за 33 года была равна 42%, а в итоговой естественной убыли в регионах РФ, где в целом за 33 года была депопуляция, составила 36%. Суммарный миграционный прирост (от внешней для регионов миграции) в данной группе за 33 года составил 15,2 млн человек. И это притом, что миграционный прирост всей России из-за рубежа за 33 года с учетом переписных поправок был лишь 12,2 млн человек.

В целом за 1992–2024 гг. в третьей группе территорий с умеренными значениями коэффициента депопуляции (в среднем по группе на 2% выше, чем по России в целом, но на 13% ниже суммарного значения по всем тем регионам РФ, в которых за 33 года в целом была депопуляция), но с отрицательной внешней для регионов миграцией (таблица 3), картина была иной. Доля естественной убыли данной группы регионов в итоговой естественной убыли страны за 33 года составила 14%, а в итоговой естественной убыли в регионах России, где в целом за 33 года была депопуляция, 12%. Суммарная миграционная убыль (от внешней для регионов миграции) в данной группе за 33 года равнялась 2,3 млн человек.

В целом по Европейской части России в сравнении с ее Азиатской частью можно сделать такие выводы. Несмотря на значительный миграционный прирост, по текущим данным за 33 года 8,9 млн человек плюс переписные добавки почти 6 млн человек, Европейская часть страны имела коэффициент естественной убыли почти в два раза выше, чем в Азиатской части России (минус 135 человек на 1 000 среднепериодного населения против минус 71‰). Последняя часть РФ в целом миграционным путем потеряла за 33 года около миллиона человек, а с переписными поправками – еще 1,7 млн человек.

По всем тем российским регионам, в которых за 33 года в целом была депопуляция, картина следующая. В Европейской части страны естественная убыль составила в сумме 16,4 млн человек, в Азиатской части – 3,6 млн человек.

Европейская часть России (без учета Крыма) за 33 года насчитывала общий

прирост около полумиллиона человек. Азиатская часть имела общую убыль в размере 5,4 млн человек. Если на начало 1992 г. численность населения Европейской России превышала численность Азиатской части в 2,5 раза, то к концу 2024 г. это соотношение выросло до 2,9 раза. Коэффициент депопуляции в Европейской части страны был 1,2 раза выше, чем в Азиатской части. При этом общий коэффициент рождаемости в Европейской части был на 11% ниже, чем в Азиатской, а общий коэффициент смертности был выше на 6%, чем в Азиатской части. Такие различия общих показателей в значительной мере объясняются различиями возрастных структур населения двух частей России. Старообжитая Европейская часть продолжает стареть и вымирать стремительными темпами.

Заключение

Несмотря на незначительный период выхода из депопуляции большинства регионов России, в том числе ее Европейской части, в конце 2000-х – начале 2010-х гг. естественная убыль в стране де-факто не прекращалась. Данный небольшой период объясняется демографическими структурными волнами, к которым добавились активные действия Правительства РФ по стимулированию рождаемости. Это привело (в числе прочего) к сужению календаря рождаемости, последующему антитаймингу рождений и усилению, а не сглаживанию демографической волны. Последствия такого всплеска видны уже сегодня. Текущий уровень суммарного коэффициента рождаемости продолжает падать с 2016 г., что не способствует выходу регионов России из депопуляции.

С другой стороны, рост ожидаемой продолжительности жизни в большинстве российских регионов ведет к постарению их населения. А это, в свою очередь, вызывает рост общих коэффициентов смертности, что также является негативным фактором, способствующим усилению депопуляции в российских регионах. И, наконец, межрегиональная миграция вносит дисбаланс в размещение населения на территории страны, оголяя окраины, прежде всего, северные и восточные. Она порождает сверхконцентрацию населения в нескольких мегаполисах и экономически развитых регионах преимущественно Европейской России в ущерб всей остальной ее части, усиливая депопуляцию в ней. Преодолеть такие негативные процессы могут лишь активные и отнюдь не популярные действия правительства, проводимые с учетом законов рыночной экономики.

Список литературы

1. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года / О. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 3. С. 119–129. DOI [10.19181/population.2020.23.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11). EDN [PPKYBP](https://www.edn.ru/PPKYBP).
2. Рыбаковский, Л. Л. 20 лет депопуляции в России. Москва : Экон-информ, 2014. 231 с. ISBN 978-5-9506-1114-8.
3. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне / Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский // *Социально-трудовые исследования*. 2023. № 2 (51). С. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26). EDN [GZOCNT](https://www.edn.ru/GZOCNT).
4. Рыбаковский, Л. Л. Факторы депопуляции в России // *Народонаселение*. 2013. № 3 (61). С. 4–19. EDN [RCOFTN](https://www.edn.ru/RCOFTN).
5. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // *Социально-трудовые исследования*. 2019. Т. 21, № 2.

С. 4–17. DOI [10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15). EDN [YAEDKL](https://www.edn.ru/yaedkl).

6. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 4–17. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01). EDN [XWETJJ](https://www.edn.ru/xwetjj).

7. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция и этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 18–28. EDN [TRRQJL](https://www.edn.ru/trrqjl).

8. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная компонента и ее вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). EDN [EIOOWG](https://www.edn.ru/eioowg).

9. Аксанова, О. В. Депопуляция населения Сибири в свете расселенческой проблемы России // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 2. С. 5–14. DOI [10.14258/epb202215](https://doi.org/10.14258/epb202215). EDN [CDHIGO](https://www.edn.ru/cdhigo).

10. Рыбаковский, О. Л. Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 2. С. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). EDN [HGRXPV](https://www.edn.ru/hgrxpv).

11. Рыбаковский, О. Л. Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 4–15. DOI [10.19181/population.2023.26.1.1](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.1). EDN [JIZLYM](https://www.edn.ru/jizlym).

12. Рыбаковский, О. Л. Демографическая динамика регионов России и ее компоненты в 1959–2017 гг. / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 4–20. DOI [10.26653/1561-7785-2019-22-1-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2019-22-1-01). EDN [MPTNHVQ](https://www.edn.ru/mptnhvq).

13. Рыбаковский, Л. Л. Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы. Москва : Экон-Информ, 2020. 251 с. EDN [LKZBOU](https://www.edn.ru/lkzbou). ISBN 978-5-907233-69-0.

14. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. Journal of the Royal Statistical Society. 1885. Vol. 48, No. 2. Pp. 167–235.

15. Рязанцев, С. В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский // Вестник РАН. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819. DOI [10.31857/S0869587321090085](https://doi.org/10.31857/S0869587321090085). EDN [VHNSDJ](https://www.edn.ru/vhnsdj).

16. Локосов, В. В. Результаты демографической политики и наступление депопуляции / В. В. Локосов, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский, Г. Р. Хасаев // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 11 (157). С. 40–48. EDN [YTFHEV](https://www.edn.ru/ytfhev).

17. Злотников, А. Г. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 2. С. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48). EDN [DQLCJH](https://www.edn.ru/dqlcjh).

18. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. Journal of the Royal Statistical Society. 1889. Vol. 52, No. 2. P 241–305. DOI [10.2307/2979333](https://doi.org/10.2307/2979333).

Сведения об авторе

Рыбаковский Олег Леонидович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8937-3166](https://orcid.org/0000-0002-8937-3166); PИИЦ SPIN-код: [7022-5369](https://www.spin-portal.ru/author/7022-5369); Web of Science Researcher ID: [B-8924-2018](https://orcid.org/B-8924-2018); Scopus Author ID: [39362389200](https://orcid.org/39362389200).

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; принята в печать 25.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEPOPULATION IN EUROPEAN RUSSIAN REGIONS IN 1992–2024

Oleg L. Rybakovsky

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation: Rybakovsky, Oleg L. Depopulation in European Russian Regions in 1992–2024. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 139–151. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8).

Abstract. The subject of the study is the permanent population of those regions of European Russia where stable natural decline (depopulation) took place in general for 1992–2024. The topic of the study is the absolute and relative scale of depopulation, the ratio of its main components (fertility and mortality), as well as the most significant demographic factors of this negative process; First, this is the migration component (migration external to the regions), compensating or aggravating the demographic development of these territories. The purpose of the study is to identify among the regions of European Russia that have experienced depopulation in general over 33 post-Soviet years, groups that are typical in terms of the most significant characteristics, to reveal the main factors affecting the level of depopulation and the nature of demographic development in them. Research methods are demographic statistical analysis, the use of relative demographic indicators for correct inter-territorial comparison. The source of all data for calculations is Russian Federal State Statistics Service (Rosstat). Results of the study: three typical groups of regions of European Russia are identified according to the scale and nature of depopulation and the role of migration processes in them. The first group is the regions with the maximum level of depopulation coefficient, which suffered largely during the Great Patriotic War and/or subsequent migration processes. The second group is the socio-economically successful territories of the European part of Russia, which have a moderate depopulation coefficient and largely compensate for the natural decline with migration growth, primarily from other regions of Russia. The third group is regions that have a moderate level of depopulation, despite the migration loss from them. First, these are the regions of the European Far North and the northern Cis-Urals. Scientific contribution includes a methodology for correct territorial comparison of Russian regions according to the scale and nature of depopulation in them has been supplemented and applied. Conclusions: The European and Asian parts of Russia are developing demographically disproportionately. Throughout the post-Soviet period, the European part has been “fed” by the population through migration at the expense of the Asian part. The problems facing us require the opposite. This vector can be reversed through the efforts of the state and considering the economic market economy. The scope of application of the results is to provide social services and monitoring for those interested in the demographic problem of Russian regions.

Keywords: permanent population of the regions of European Russia, depopulation, compensation of natural decline by migration growth, depopulation coefficient, depopulation factors

References

1. Rybakovsky, O. L. Depopulation in the Regions of Russia by the Beginning of 2020 / O. L. Rybakovsky, T. A. Fadeeva. *Population*. 2020. Vol. 23, No. 3. Pp. 119–129. DOI [10.19181/population.2020.23.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11). (In Russ.).
2. Rybakovsky, L. L. *20 let depopulatsii v Rossii [20 years of depopulation in Russia]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2014. 231 p. ISBN 978-5-9506-1114-8. (In Russ.).
3. Rybakovskiy, L. L. Depopulation in Russia: Results for 1992–2022, components and compensation by Migration at the Regional Level / L. L. Rybakovskiy, O. L. Rybakovskii. *Social and labor research*. 2023. No. 51 (2). Pp. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26). (In Russ.).
4. Rybakovsky, L. L. Factors of Depopulation in Russia. *Population*. 2013. Vol. 61, No. 3. Pp. 4–19. (In Russ.).
5. Rybakovsky, L. L. Depopulation in Russia: Its Stages, Features and Possibilities of Neutralization / L. L. Rybakovsky, N. I. Kozhevnikova. *Social and Labor Research*. 2019. Vol. 21, No. 2. Pp. 4–17. DOI [10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15). (In Russ.).
6. Rybakovsky, L. L. Depopulation in Russia, Its Stages and Specifics / L. L. Rybakovsky, N. I. Kozhevnikova. *Population*. 2018. Vol. 21, No. 2. Pp. 4–177. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01). (In Russ.).
7. Rybakovskiy, L. L. Depopulation and Its Ethnical Aspects in Russia. *Sociological Studies*. 2015. No. 4 (372). Pp. 18–28. (In Russ.).

8. Rybakovskii, L. L. The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 3. P.327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). (In Russ.).
9. Aksanova, O. V. Depopulation of the Population of Siberia in the Light of the Resettlement Problem in Russia. *Economics. Profession. Business*. 2022. No. 2. Pp. 5–14 DOI [10.14258/epb202215](https://doi.org/10.14258/epb202215). (In Russ.).
10. Rybakovsky, O. L. Population Balance of the Regions of Russia in 1992–2023 and Census Corrections. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. Pp. 71–82. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-71-82](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82). (In Russ.).
11. Rybakovsky, O. L. The Age Structure of the Population of the Regions of Russia at the Beginning of the 21st Century: Components of the Formation. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 1. Pp. 4–15. DOI [10.19181/population.2023.26.1.1](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.1). (In Russ.).
12. Rybakovsky, O. L. Population Dynamics of Russian Regions and Its Components in 1959–2017 / O. L. Rybakovsky, O. A. Tayunova. *Population*. 2019. Vol. 22, No. 1. Pp. 4–20. DOI [10.26653/1561-7785-2019-22-1-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2019-22-1-01). (In Russ.).
13. Rybakovsky, L. L. *Velikaya Otechestvennaya. Osobennosti. Ljudskiye poteri. Faktory pobedy [The Great Patriotic. Features. People's Losses. Factors of Victory]*. Moscow: Econ-Inform Publ., 2020. 251 p. ISBN 978-5-907233-69-0. (In Russ.).
14. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1885. Vol. 48, No. 2. Pp. 167–235.
15. Ryazantsev, S. V. Demograficheskoye razvitiye Rossii v XX–XXI vekakh: istoricheskoye i geopoliticheskoye izme-reniya [Demographic Development of Russia in the XX–XXI Centuries: Historical and Geopolitical Dimensions] / S. V. Ryazantsev, L. L. Rybakovsky. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 810–819. DOI [10.31857/S0869587321090085](https://doi.org/10.31857/S0869587321090085). (In Russ.).
16. Lokosov, V. V. Rezul'taty demograficheskoy politiki i nastupleniye depopulyatsii [Results of demographic policy and the onset of depopulation] // V. V. Lokosov, L. L. Rybakovsky, O. L. Rybakovsky, G. R. Khasaev. *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2017. No. 11 (157). Pp. 40–48 (In Russ.).
17. Zlotnikov, A. G. The Origins of a New Round of Depopulation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48). (In Russ.).
18. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52, No. 2. P 241–305. DOI [10.2307/2979333](https://doi.org/10.2307/2979333).

Bio note

Oleg L. Rybakovsky, Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8937-3166](https://orcid.org/0000-0002-8937-3166); RSCI SPIN-code: [7022-5369](https://www.rsci.spin-code.org/7022-5369); Web of Science Researcher ID: [B-8924-2018](https://orcid.org/B-8924-2018); Scopus Author ID: [39362389200](https://orcid.org/39362389200).

Received on 23.08.2024; accepted for publication on 25.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.